

НА ВОЛЮ – ОТ СУДЬБЫ¹

Юрий Коробченко

...И географии примесь к времени есть судьба.

И. Бродский

О нашей семье

Мои предки поселились в лесостепной зоне Северного Казахстана примерно в 20-х годах 19-го века, то есть ещё во времена Пушкина. Отец (1912 г.р.) происходил из бедной крестьянской семьи, проживавшей в украинском селе Константиновка Арык-Балыкского района; мать (1916 г.р.) – из казачьей семьи среднего достатка, обосновавшейся в станице Нижний Бурлук. Родители были в числе первых сельских комсомольцев, что определило их судьбу.

Отец после службы в армии окончил ускоренные курсы при каком-то сельскохозяйственном техникуме в Средней Азии и получил диплом агронома. В тридцать лет он уже был директором машинно-тракторной станции, которая обслуживала колхозы нескольких близлежащих сёл и деревень. Мать после окончания школы-семилетки осталась работать в ней учителем начальных классов. Значительно позже закончила заочно педучилище.

В семье росло пятеро детей – я и четыре девочки. Одна сестра была старше, три другие – младшие. Образ жизни нашей семьи определялся спецификой работы отца – его перебрасывали с места на место, и мы всей семьей переезжали на двух или трёх полуторках – грузовых машинах. В кузове одной всегда стояла корова, главная кормилица семьи, а мы все размещались в кабинах и кузовах среди домашней живности, хозяйственного инвентаря, продовольственных запасов, мебели, утвари, одежды и прочего скарба. На каждом месте мы жили не более двух-трех лет.

Мне запомнились два переезда. Один из них происходил осенью, урожай уже был собран, но дороги еще не развезло. Проезжая по краю убранного пшеничного поля, увидели, что на стерне пасется стая дроф – подкрепляется перед полётом на юг. Отец вышел из машины со своей мелкокалиберной винтовкой, прицелился и выстрелил. Стая поднялась в воздух, а одна птица осталась на стерне. Мы со старшей сестрой побежали, взяли её за крылья, но поднять не смогли, такая она была тяжелая, нам не под силу.

Другой переезд я помню, потому что принимал в нем деятельное участие. Была зима 1950-го года, мне шёл тринадцатый год. Мы переезжали из областного центра Кокчетав в районный центр Алексеевку Акмолинской области, на этот раз по железной дороге. Все, кроме меня, отправились на пассажирском поезде, а я с новым сослуживцем отца ехал в теплушке, в которую было загружено всё имущество семьи. Теплушками в то время называли двухосные грузовые вагоны, когда-то именовавшиеся «столыпинскими». В теплушке была железная печка, её надо было круглосуточно топить. Попутчик мой на станциях выходил, чтобы согласовать дальнейшее продвижение, а я оставался на хозяйстве. Наш вагон перецепляли от состава к составу. Ехали мы двое суток. Я чувствовал себя причастным к важным семейным делам.

Сельская жизнь в то время была очень трудной - ни водопровода, ни канализации, а электричество, радио и телефон появились только в 1944-м. Газеты и письма нам привозили раз в неделю.

---

¹Заголовок рассказа заимствован из стихотворения Н. Коржавина (у него: «...И я ушёл. На волю – от судьбы.»)

Семья наша была дружной. Авторитет старших не оспаривался младшими, замечания воспринимались без обид. Думаю, это способствовало хорошей успеваемости нас, детей, в школе. Заложенное с младых ногтей семейное согласие определило наши отношения в дальнейшей жизни: не припомню ни одной ссоры между мной и сестрами, или их между собой. Серьёзные скандалы, а тем более судебные тяжбы между родственниками для меня всегда нечто противоестественное. Каждый выполнял закреплённые за ним домашние обязанности. Я, например, с десяти-двенадцати лет пилил и колол дрова (а зимой ещё долбил ломом смерзшийся уголь), ежедневно носил воду из колодца, чистил помещение для коровы с телёнком, для свиньи с поросятами и для кур, давал сено корове и водил её на водопой. Присматривал за младшими сестренками... Что говорить, дел хватало всем, к труду мы были приучены с детства.

Из ранних воспоминаний

Читать я научился рано. Помню, как однажды мама вернулась из школы домой со своей сотрудницей, тоже учительницей, которая сомневалась в том, что пятилетний ребёнок может читать. Мама сказала мне:

– Сынок, возьми газету, почитай нам что-нибудь.

Я взял газету и начал читать. Медленно, но связно, не по складам. Гостья заахала. Я понял тогда, что делаю то, что, оказывается, не все в моём возрасте могут. И заслуживаю похвалы, мама может мною гордиться.

Как-то к нам пришла знакомиться семья эвакуированных. У детей была с собой книжка с цветными иллюстрациями. Я такую увидел впервые, это была диковинка! Гости, видя мое восхищение, оставили мне книжку почитать. До сих пор не забыл:

...Как плавал и как опускался на дно,
Чтоб видеть, покрыто ль цветами оно,
Чтоб рыбку поймать золотую,
Акулу увидеть живую...

И ещё:

...Мне навстречу выйдут волки,
Скажут: «Стой-ка, паренёк,
На опушке вместо ёлки
Почему торчит пенёк?».
Дятел клювом постучит:
«Почему пенёк торчит?»...

Самое главное из моих детских воспоминаний – один разговор с мамой. Я знал, что родители ездили в Москву на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку (ВСХВ). И вот как-то зимним вечером мы с мамой вдвоём сидели за столом при свете керосиновой лампы, и она рассказывала мне о Москве. Улицы там широкие, чистые, вечером освещаются. Дома высокие, многоэтажные, красивые. Вдоль домов тротуары – дорожки для пешеходов. Трамваи, конные повозки, грузовые машины, легковые – все движутся в одну сторону, а на другой половине улицы – в обратную. Я спросил: «Все люди на тротуаре тоже идут в одну сторону?» Мама ответила, что каждый идёт куда ему надо. И все хорошо одеты, мы такой одежды никогда не видели... В моем детском воображении рисовались картины незнакомого мне мира, который казался нереальным. Я знал только деревенские улицы с проезжей частью посередине – двумя грунтовыми полосками, пробитыми в основном тележными и очень редко машинными колесами. Зимой это был просто санный путь, а весной и осенью – непролазная грязь. Завершая свой рассказ, мама

сказала: «Учись, сынок! Учись как следует! Закончишь школу, поступишь в институт. Станешь инженером и будешь жить в большом городе, может быть, даже в Москве!»

Скажу наперёд, что мамины слова определили мое отношение к учёбе; они однозначно сформировали цель: выучиться на инженера, жить в городе! Эта цель стала главной тайной моего детства, отрочества и юности. Никогда ни с кем ею не делился, наверно, боялся, что чьё-то прикосновение – сомнение, насмешка – может обесценить её в моих собственных глазах.

Школьные годы. Мои учителя

Учился я добросовестно – для того, чтобы знать, а отметки получались сами собой. Никогда не прогуливал занятия. Чтобы лучше понять ту, другую жизнь, к которой стремился, я, когда появилось радио, слушал литературные, музыкальные, театральные передачи. Навсегда запомнил советские песни того времени, а также полюбившиеся оперные арии, дуэты и даже некоторые сцены.

Поскольку в каждой школе я учился не более двух-трёх лет, у меня было мало друзей. С двумя из них дружба оказалась пожизненной. Кокчетавский друг уже умер, в последний раз мы виделись, когда я посетил его в больнице. Со вторым, алексеевским, дружу до сих пор (дай ему Бог здоровья!). К слову скажу, что потребность в друзьях была полностью удовлетворена в студенческие годы.

Когда закончил 8-ой класс, мы в очередной раз переехали – из райцентра Алексеевки в деревню Викторовку, где была только школа-семилетка. Родители решили, что я должен учиться в Кокчетаве, областном центре, у них там остались знакомые. Так я оказался постояльцем на целый учебный год, обретал опыт жизни в чужой семье. В полном душевном одиночестве. Моей учебой никто не интересовался. Впрочем, так было всегда – учился я хорошо, хлопот родителям не доставлял, контролировать меня не было нужды.

После 9-го класса я вернулся домой и в 10-ом учился в селе Айдабул, расположенном в нескольких километрах от нашей деревни Викторовки. Там было промышленное предприятие – спиртзавод, и была школа-десятилетка для детей рабочего класса. С сентября я ежедневно ездил в эту школу на велосипеде. Осенние дожди сделали дорогу непроезжей, и я перешёл на пеший ход. Потом дожди сменились снегом; иногда, приходя из школы домой, я с трудом отдирал примерзшие к сапогам портянки. Тогда родители договорились с завхозом школы, и я стал жить у него на квартире. Ещё два парня из нашей деревни ютились там же, и мы втроем спали на широком топчане за печкой.

Национальный состав населения тех мест в военные и послевоенные годы был очень пёстрым. Здесь жили коренные жители, эвакуированные и беженцы из оккупированных западных районов страны (в основном украинцы и белорусы), спецпереселенцы – немцы Поволжья, крымские татары и греки, корейцы, чеченцы, ингуши. Жили здесь и бывшие заключенные лагерей ГУЛАГа – знаменитый Карлаг (Карагандинский лагерь) находился в соседней области. Они были освобождены, но не получили разрешения возвращаться в европейскую часть страны.

Во всех классах были ученики десяти-двенадцати национальностей. Естественно, каждому давали кличку с национальной подоплекой. Многих это обижало, ссорились, иногда дрались. Поскольку фамилия моя украинская, а говорил я по-русски, украинцы называли меня москалем или кацапом, а русские – хохлом. Мое отношение было такое: «Плевать, как меня называете. Разве это важно, какая у кого национальность?! Главное – какой ты сам. Эта ваша глупая суета меня не интересуется, я здесь человек временный. Когда-нибудь **я отсюда уеду**».

В школах был своеобразный педагогический коллектив. Некоторых учителей помню хорошо, правда, за точность имён не ручаюсь. Не забылся почему-то первый учитель

Гусейн Шавхалович, ингуш или чеченец. Хотя видел я его всего лишь один раз – он пришёл в наш первый класс только в первый день занятий, а потом исчез.

В 5-м классе мужской русской школы в Кокчетаве мне пришлось учить казахский язык, его преподавала учительница Гульназия Белялевна, молоденькая и румяная казашка. Она сразу привлекла всеобщее внимание, когда, только войдя в класс, сказала: «Закройте форточку, а то я нежная, могу простудиться». По-казахски наша нежная училка говорила хорошо, но объяснить по-русски особенности и правила своего языка она никак не могла. В памяти остались бессвязные казахские слова, которые я много позже вдруг улавливал в разговоре татар, азербайджанцев и даже якутов - все эти языки относятся к тюркской группе.

Учителем истории древнего мира в том же 5-м классе был молодой подтянутый казах, отслуживший в армии и решивший попробовать себя в педагогике. Объясняя материал очередного урока, он садился за стол, открывал учебник, читал вслух каждую фразу текста, а потом пересказывал своими словами, густо перемежая их глаголом «понимаешь». Например, «И перед смертью он, понимаешь, сказал: “И ты, Брут?!”». Нас это развлекало. Но преподавал он недолго, скоро пришёл кто-то другой.

В 8-м классе географии нас учила невысокая энергичная женщина лет 25-ти, ухоженная, всегда хорошо одетая, от неё неизменно исходил резкий аромат духов. География мне всегда нравилась. Я с удовольствием произносил необычные, непривычные для русского уха названия гор, морей проливов, заливов, городов. И сейчас помню: Скагеррак, Каттегат, Целебес (теперь Сулавеси) ... Так вот, вдруг я стал получать явно заниженные оценки по географии. Как ни старался, всё равно за четверть вышла тройка. Рассказал родителям об этой явной несправедливости, начали разбираться. Оказалось, что брат учительницы работает вместе с моим отцом, отношения у них не сложились. Не знаю, какие там были выяснения, но в следующей четверти мои оценки выправились, я получил пятёрку. Однако из-за несправедливой тройки годовой оценкой стала четвёрка, что имело свои последствия, очень обидные.

Учительница биологии в 8-м (или 7-м?) классе выглядела изможденной – худая, бледная и без передних зубов, хотя было ей не больше тридцати. Речь её свидетельствовала о более высоком, чем учительское, образовании. На каждом уроке, независимо от темы, она с большим почтением ссылаясь на некую Ольгу Борисовну Лепешинскую – академика. Обо всех учителях мы что-то знали, каждого обсуждали, но об этой «биологичке» никому ничего не было известно, можно было только догадываться о пройденных ею кругах ада.

В 10-м классе математике нас обучал Козак, ссыльный доцент из Киева – невысокий, подвижный, некоммуникабельный. Внешностью и манерами он был совершенно непохож на местных жителей. Над ним беззлобно подтрунивали. Например, когда он приходил со свежесбрившей головой, кто-нибудь в тишине произносил: «побротый!». Козак резко поворачивался от доски к классу и, делая энергичный жест рукой, категорически заявлял: «Да **нет** такого слова! Не побротый, а побритый!» И, снова повернувшись к доске, продолжал свои объяснения – и никаких тебе разборок типа «кто это сделал?» или «вон из класса!». В мыслях доцент всегда был где-то далеко. Ему было тесно в рамках школьной программы. Он организовал внеклассные занятия по аналитической геометрии, изучаемой студентами технических вузов на первом курсе. Я с интересом ходил на эти занятия.

Литературу в 10-м классе преподавала одна из трёх похожих друг на друга учительниц – невысоких, средней упитанности, примерно лет сорока. Явно нездешние, они держались вместе, выделяясь тем, что курили и, по словам их соседей, дома допоздна играли в преферанс. Думаю, в прежней жизни женщины эти вращались в театральной среде. Они организовали в школе драмкружок, что было очень необычно. Я исполнял не нравившуюся мне роль Грушницкого в какой-то пьесе о Лермонтове, а также читал его стихи. Однажды мы ездили в райцентр на районную олимпиаду. Это было зимой, стояли

страшные морозы. Мы ехали в санях-розвальнях, лежа на соломе в полушубках и валенках, да еще укрытые тулупами. Но было весело и интересно. До сих пор помню отрывки из «Демона», которые декламировал со сцены:

...В пространстве синего эфира
Один из ангелов святых
Летел на крыльях золотых,
И душу грешную от мира
Он нёс в объятиях своих...

Эти учительницы были необычны и тем, что общались с нами, неотесанной деревенщиной, как с равными – не командовали, не наставляли, а вовлекали в совместное обсуждение, приводя всех к взаимному пониманию и согласию. Думаю, что они и доцент Козак своим поведением, отношением к ученикам очень помогли мне осознать свое место и роль в коллективе, повлияли на манеру общения. Они расширили мой кругозор, позволив заглянуть за пределы обыденной захолустной деревенской жизни без театра, кино, музеев... Спасибо, что было радио.

Школа окончена, что дальше?

Итак, со школой распрощался, пора начинать взрослую жизнь. Как?

Я сижу в Викторовке. У меня есть аттестат зрелости. Имею намерение поехать в Москву поступать в Московский горный институт имени И. В. Сталина. Других планов нет.

Что в аттестате? В выпускном сочинении я сделал одну ошибку и получил четвёрку, которая вошла в аттестат. Если бы эта четверка была единственной, то можно было бы претендовать на серебряную медаль. Но там имелась еще одна четверка – по географии, несправедливая. Из-за неё предстояло поступать в институт на общих основаниях, т.е. участвовать в конкурсе.

Почему горный институт? Меня привлекла своеобразная специальность с двойным названием: «маркшейдерское дело – горная геометрия». Я любил школьную математику, все её разделы. Мне нравилось решать задачи – поиск первого единственно верного шага, строгая логика последовательных действий, их внутренняя красота и безальтернативность. В маркшейдерском же деле не просто геометрия, а некая экзотическая горная геометрия!

Почему Москва? Моя старшая сестра поступила в Молотовский (сейчас Пермский) педагогический институт, а я отваживаюсь поехать в Москву. Видимо, сказались мамины казачьи гены: грудь в крестах или голова в кустах! Решил пойти ва-банк – помирать, так с музыкой.

Мой выбор специальности удивил родителей, но они не высказали никаких сомнений, дали мне полную свободу. Первым делом следовало получить паспорт и медицинскую справку. Начал с паспорта. Для этого надо было ехать в райцентр Зеренда, километров двадцать от нас. Взял свидетельство о рождении, вышел на дорогу. На попутной машине доехал, нашёл в милиции отдел с названием «Паспортный стол», дождался приёма. И тут меня ждал сногшибательный сюрприз: выпускникам школ мужского пола паспорт не выдается.

- Вот отслужишь в армии, тогда паспорт и получишь! – отчеканил офицер.
- Но я собираюсь поступать в институт ...
- После армии и поступишь.

Трудно описать состояние, в котором я возвращался домой. Рушилась мечта, которой я жил все школьные годы. Что теперь? На днях мне исполнилось семнадцать, в армию призывают с девятнадцати. Кто будет содержать меня? Надо устраиваться на работу.

Потом два или три года служить. За эти годы многое забудется, а, возможно, и семья... Как конкурировать с 17-летними, только что вставшими со школьной скамьи?! Крик!..

Отправились в Зеренду с отцом. В кабинете паспортного стола сидел все тот же офицер. Больше всего меня поразили вид и поведение отца. В то время он был главным агрономом совхоза – невысокая, но всё-таки руководящая должность. Впервые я увидел его униженным, бесправным некрасовским «просителем». Поздоровавшись с офицером, он сказал:

– Вот сынишка окончил школу, надо паспорт оформить.

Резануло уменьшительное «сынишка», этим отец как бы признавал за офицером роль вершителя моей судьбы. А офицер самодовольно заулыбался и начал пространно рассуждать о винтиках и колесиках государственной машины, о сознательности и необходимости:

– А кто же будет сельским хозяйством заниматься, если мы всю молодёжь распустим? Они же разбегутся по городам!

Отец мягко возражал: мол, если не поступит, вернётся домой, куда же ему деваться? И будет работать до призыва в армию. Студенты тоже нужны, молодое поколение, советские специалисты ... Он и учился все десять лет хорошо, чуть медаль не получил. В Москву вот собрался, в горный институт.

– А кто в армии служить будет? Кто будет отдавать долг Родине? Каждый парень должен отслужить, на то он закон и есть!

Отец знал от меня, что в горном институте есть военная кафедра, поэтому объяснил: там получают не только гражданскую специальность, но и военную. И присваивают воинское звание лейтенанта или младшего лейтенанта.

Офицер задумался, видимо, в поисках очередного аргумента. Отец повернулся ко мне:

– Сынок, выйди в коридор, подожди там.

Я вышел и прождал довольно долго. Не знаю, о чём и как говорили они в моё отсутствие, но атмосфера в кабинете была уже другая. Возможно, отец рассказал о своей службе в армии на Кушке вместе с известным поэтом К. Симоновым, а может быть, поведал о своей успешной карьере, которая сейчас пошла по нисходящей из-за недостаточного образования.

– А какая специальность? – обратился офицер ко мне.

– Маркшейдерское дело – горная геометрия.

– Что за штука такая хитрая?

– Это связано с математическими расчётами на горном предприятии, на подземных работах...

– И в Москву? Не боишься, что завалишь?

– Ну... волков бояться – в лес не ходить.

– Давай-давай. Хвалю за храбрость. Идите в соседнюю комнату, заполняйте бумаги.

Надежда возродилась!

Подошло время отъезда. Я взял наш выдавший виды фибровый чемодан, собрал учебники, свою нехитрую одежду, надел купленный после 8-го класса на вырост костюм, и... Оказалось, что у меня нет пальто – ни демисезонного, ни зимнего (зимой я ходил в стеганой телогрейке, которую сейчас презрительно называют ватником), нет и фуражки. Мы уже стояли у порога, готовые к отъезду, когда мама вдруг сказала отцу:

– Отдай ему свой пыльник. И фуражку.

Так я стал владельцем матерчатого плаща с подкладкой и кожаной комбайнерской фуражки.

Мы поехали в Кокчетав к поезду на Москву. На вокзале обнаружили, что билетов на прибывающий нужный нам поезд уже нет. Следующий – завтра в это же время. Пока вели

переговоры, подошёл поезд, на который нам не досталось билетов. Отец вдруг дёрнул меня за рукав:

– Пойдем. Быстро!

Мы подошли к самому первому вагону без номера – почтово-багажному. Отец, коротко переговорив с почтовиками, отдал назначенную ими сумму и помог мне подняться в вагон. Прощай, Казахстан!

Поезд останавливался на каждой станции днём и ночью, почтовики выгружали нужную почту и загружали новую. Поскольку я ехал «зайцем», на всех остановках приходилось прятаться в каком-то закутке вагона, чтобы меня, не дай бог, не увидел начальник или кондукторы нашего поезда, кто-нибудь из станционных служащих. До Москвы поезд шел трое суток, мне представилась возможность познакомиться с географией нашей страны воочию. Впервые увидел широкие реки, густые леса, дома выше трёх этажей. Путешествие обошлось без каких-либо приключений.

Родители объяснили мне, что делать сразу по приезде в Москву. Я выполнил всё в точности: вышел на площадь перед Казанским вокзалом, взял такси, сказал водителю, что мне надо на Пресню, в Курбатовский переулочек. Когда доехали, спросил его, сколько с меня. Он сказал, что пятиалтынный. Жаргона я не знал, поэтому переспросил, что это в переводе на рубли. Оказалось пятнадцать. Начал лихорадочно извлекать деньги из зашитого мамой внутреннего кармана пиджака. Позже узнал, что сумма была явно завышенной – водитель воспользовался неосведомленностью деревенского пацана, а у того каждая копейка была на счету. Тем более обидно, что от площади трёх вокзалов до Пресни можно было с моим тощим чемоданом добраться на метро за 5 копеек.

В Курбатовском переулке жила Юлия Иосифовна, когда-то она была женой дяди моего отца. Дядя умер давно, она вышла замуж за вдовца, имевшего дочь. Но фамилию нашу оставила, потому и считалась близкой родственницей. Именно у неё останавливались мои родители, когда приезжали (в 39-ом!) на ВСХВ. Я явился без всякого предупреждения, без письма. Просто вошёл и сказал:

– Здравствуйте. Я – сын таких-то из Казахстана, – и протянул свой новенький паспорт, – приехал поступать в институт.

Ю. И. глянула в паспорт. Без всяких вопросов, буднично, без суеты предложила:

– Раздевайся, ставь свой чемодан вон туда. Умывайся и садись поесть, небось голодный.

Много позже, избавившись от деревенских традиций и привычек, я осознал, каким бесцеремонным было мое вторжение. Тогда все деревенское население наезжало, иногда семьями, к друзьям и родственникам в гости или в отпуск на недельку-две. Хорошо об этом написано в рассказах Шукшина.

Ю. И. с семьей жила на втором этаже старого деревянного двухэтажного дома. «Квартира» их представляла собой одну примерно двадцатиметровую комнату, разделенную фанерной перегородкой. На этаже были ещё две подобные «квартиры». На все эти три – одна общая кухня и один общий туалет. Ю. И. познакомила меня с соседями, и через несколько дней с мужем и дочерью уехала на дачу, оставив тазик холодца, специально для меня сваренного, и ключ.

Конкурс

От первого визита в институт в памяти осталась только табличка на дверях главного кабинета: «Ректор института, Генеральный горный директор I ранга Кончев». Получил расписание экзаменов, их было шесть.

Самым запоминающимся оказался экзамен по химии. За каждым столом сидели по два абитуриента, у доски стоял стол преподавателя. Он внимательно наблюдал за нашей подготовкой к ответам на заданные темы. Периодически кое-кого просил немного

передвинуться, чтобы никто не мог спрятаться за спинами других. Мой сосед по столу извлёк из-под своих одежд толстый учебник химии, положил его на полку под крышкой стола и, подглядывая на нужную страницу, начал «сдирать». Преподаватель это заметил и, поднявшись со своего места, направился к парню:

– Молодой человек, что вы там смотрите?

– Ничего не смотрю, – ответил тот и коротким ловким движением перебрал учебник на мою половину полки.

Я, чуть не задохнувшись от возмущения, отбросил учебник:

– Что ты мне суешь?!

Этот подонок, защищая себя, покушался на моё будущее! К счастью, преподаватель всё правильно оценил. Парня он выставил за дверь с обещанием исключить из числа абитуриентов. Я постарался успокоиться.

На экзаменах я получил три пятёрки и три четвёрки, т.е. суммарно 27 баллов из тридцати возможных. Именно такой результат оказался проходным. Несколько дней провёл в напряжённом ожидании: примут, нет? Наконец вывешивают списки принятых, нахожу свою фамилию: принят! Я принят!! Срочно сообщаю родителям и Ю. И. Начинаю поиск жилья: в общежитии для меня места не нашлось. Но это уже мелочи, семечки! Главное, я – **московский студент**.

Начало студенческой жизни

Мы, трое студентов-маркшейдеров, сняли комнату в подмосковной деревне Матвеевской, она уже давно микрорайон Москвы. Комната небольшая, зато дешёвая. В ней был стол, топчан на двоих, а на ночь помещалась ещё и раскладушка. Добирались мы до своего жилья на электричке с Киевского вокзала. Учились шесть дней в неделю во вторую смену, возвращались из института поздно вечером.

История с моей верхней одеждой имела продолжение. Плащ был явно великоват: папа был на голову выше меня и шире. На вокзале в ожидании электрички я, когда осенью стало прохладно, вышагивал по платформе туда-обратно, думая о своих делах. И однажды обратил внимание на то, что люди на платформе с любопытством посматривают на меня и даже оборачиваются, проходя мимо. Удивился: чем это я привлекаю их внимание? Представил, как выгляжу со стороны: длинный, почти до пола плащ, кожаная форменная фуражка... Да так в фильмах все чекисты одеты, не хватает только маузера в деревянной кобуре! С тех пор перестал расхаживать, стоял скромно в сторонке.

А потом пришла зима, холодно! Вся стипендия уходила на еду, квартиру и необходимые учебные нужды. И вот, как-то подошла ко мне девочка из нашей группы и, стеснясь, протянула конверт: «Юра, возьми, купи себе пальто. Рассказала маме, как ты ходишь, она дала деньги. А когда будут – отдашь». Я испытал одновременно разные чувства – благодарность, унижение, стыд. И озлобленность на свою долю. Стал отказываться, сказал, что не смогу отдать скоро. Она ответила: «Отдашь по частям, когда сможешь». На одной из наших встреч через несколько лет кто-то проронил фразу, из которой я понял, что деньги мне на пальто дала не только мама этой девочки, но и студенты нашего курса – обеих маркшейдерских групп. Разве такое можно забыть?

Ещё один из эпизодов, связанных с одеждой. Родители, когда я стал московским студентом, прислали мне в подарок полосатую пижаму (где им удалось её купить, не знаю), подобную той, в какой с песней «Потому, потому что мы пилоты...» разгуливал с друзьями по улицам герой актера Крюкова в фильме «Небесный тихоход». Я, как и родители мои, считал эту пижаму очень достойным нарядом. И потому, когда мне наконец предоставили общежитие в студенческом городке, вышел в ней погулять. Опять на меня поглядывали, на этот раз с веселым любопытством. И тут же объяснили, что наряд мой вовсе не для прогулок ...Так начиналась жизнь в столице полунищего юного мечтателя из глухой провинции.

В заключение

За пять институтских лет бывало всякое: трудности и радости, успехи и промашки ... Но, главное, были друзья, библиотека, музеи, театры. Была любовь – по окончании института я женился. При распределении меня направили участковым маркшейдером на шахту «Красный партизан» в Донбассе. Маркшейдер задает направление каждой горной выработке, от точности его измерений и расчётов зависит безопасность подземных работ и жизнь шахтеров. За девять лет я прошёл все виды маркшейдерского обслуживания и с накопленным опытом решил поступать в аспирантуру своего института. К экзаменам меня допустили только после того, как я стал членом коммунистической партии, такое было условие. В аспирантуре учился на маркшейдерской кафедре, а получив кандидатскую степень, остался на ней преподавателем в должности доцента. Вот тогда я, после бедной студенческой одежды и шахтерской робы для подземных работ, стал носить добротные костюмы и пальто по сезону. Пройдя круги разных мытарств, о которых вспоминать не хочется, нам удалось получить московскую прописку. К этому времени в нашей семье подрастали две дочери. Проработав четыре года в горном институте, перешёл на должность проректора по науке в институте повышения квалификации ВИСМ. В девяностые, когда развалился Советский Союз, наука тоже обрушилась. И институт, в числе других, прекратил существование. Оставшись без работы, решил организовать чековый инвестиционный фонд. Однако после успешного начала, пришлось передать его в более крупный: вписаться в создавшуюся в стране экономическую ситуацию я не смог. В результате трудных размышлений осмелился на резкий шаг: в 97-м по выигранной грин-карте мы с женой, а также младшая дочь с мужем переселились в Бостон; семья старшей дочери по рабочей визе ещё раньше нас уехала в Канаду. Я вынужден был освоить совсем новую для меня специальность – автоматизация тестирования компьютерных программ, и мне повезло попасть на работу с хорошей зарплатой в известную фирму.

Теперь, на старости лет, вспоминая прошлое, я думаю, что мне дважды удалось уйти от уготованной географией и временем судьбы. Первый раз, когда вырвался из глубокой казахстанской провинции, об этом мой рассказ. Второй – когда решился на эмиграцию. Мои дочери, а также оба внука, получившие здесь образование, имеют достойную работу. Внучка учится в престижном колледже. Недавно появились правнуки. Я счастлив, что у моих близких совсем другая судьба.